

УДК: 811.511.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» КЕТСКОГО ГЛАГОЛА

Г.Т. Поленова

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
ул. Инициативная, 48, Таганрог, Россия, 347936

Статья посвящена реликтовым элементам в структуре кетского глагола. Путем анализа структур различных кетских глагольных словоформ проводится мысль, что твердых правил формирования кетского глагола не существует, несмотря на многочисленные попытки классификации типов глаголов в кетском языке. Автор отталкивается от термина, введенного Т.М. Николаевой «‘скрытая память’ языка», подробно рассматривая соответствующие ее работы, и применяет этот термин относительно структурных элементов кетского глагола. Критически используется Максимальная порядковая модель финитной глагольной словоформы в кетском языке С.С. Буторина. В качестве примеров разнообразия глагольных структур приводятся экспедиционные материалы автора, при анализе которых доказывается отсутствие какой-либо твердой закономерности в оформлении кетских глаголов. Наблюдается как агглютинация в наиболее простых структурах, так и инкорпорация в усложненных формах. Сделано заключение, что кетский глагол может дать представление о всех морфологических стадиях развития языка. Статья может представить интерес для языковедов, занимающихся диахронической типологией и проблемами происхождения языка.

Ключевые слова: «скрытая память», кетский глагол, личные показатели, дейктическая частица, классный показатель, детерминатив

«...неволью останавливаешься перед вопросом: зачем кетскому языку понадобились две группы личных показателей?»

[Крейнович 1965: 190].

ВВЕДЕНИЕ

Исследуя материалы кетского языка, немецкий ученый К. Боуда обратил внимание на регулярность личных глагольных показателей, представленных в 1-м лице единственного числа формами *ba-/bo-* и *di-*. Для удобства описания структуры кетского глагола он разделил личные форманты глагола на группы *B* и *D* [Bouda 1957: 98]. Все последующие кетологи приняли эту градацию и пользуются ей по сей день.

Впервые риторический вопрос об этом явлении языка, вынесенный нами в эпиграф, задал Е.А. Крейнович. Поскольку мы, начиная с 70-х годов прошлого века, пытаемся отвечать на те вопросы, которые ставит язык в его синхронном состоянии, то уже в первой своей монографии, «Происхождение грамматических категорий глагола», мы представили свою гипотезу относительно генезиса глагольных показателей кетского языка [Поленова 2002: 9—40].

В данной статье мы хотим вернуться к рассмотрению приведенных показателей с учетом публикаций, с которыми тогда мы еще не были ознакомлены и которые могут утвердить наши позиции.

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» ЯЗЫКА

Этот термин принадлежит замечательному ученому нашего времени Татьяне Михайловне Николаевой [Николаева 2002], взгляды которой мы всегда разделяли, и она, кстати, цитировала наши работы: «Енисейско-индоевропейские типологические параллели в области вопросительных и неопределенных местоимений» [Живова 1984] и «Происхождение грамматических категорий глагола [на материале енисейских языков]» [Поленова 2002] в своей «Непарадигматической лингвистике» [Николаева 2008: 105—106; 214; 218—223; 240].

Т.М. Николаева вводит понятие «скрытая память языка» в связи с употреблением/неупотреблением в русском языке местоимения «Я», его былой функцией и структурой, отраженными в языковой памяти. Она приводит пример польск. *sluham* и русск. *я слушаю*. На синхронном уровне противопоставлены формы: глагол 1-го лица без личного местоимения и глагол 1-го лица, сопровождаемый личным местоимением, но *-m* в польском варианте местоименного происхождения, т.е. лицо выражено местоименным элементом в правой позиции. Автор подчеркивает, что местоименный компонент значим, ибо имеет свою семантику.

Интересно приведенное в анализируемой работе свидетельство Ю.С. Степанова: «В древних индоевропейских языках повторяющимся элементом часто является какая-либо специальная дейктическая частица ... *1. *-v-/-m/*; *2. *-t-*; *3. *-n-* — дейксисы трех лиц — участников акта речи» [цит. по Николаева 2002: 28]. Т.М. Николаева, опираясь далее на точку зрения К. Шилдза [Shields 1997], пишет: «...нужно говорить о том, что и местоимения, и глагольные флексии восходят к общему для них протоэлементу, являющемуся как правило дейктическим показателем... Подобный взгляд восходит к той точке зрения на реконструируемый и.-е. язык (*the new image of I.-E. morphology*), согласно которой первый этап развития и.-е. языка не был флективным, а на синтаксическом уровне — соединялись компоненты диффузной семантики. Частицеобразные партикулы при этом объединялись в ансамбли разных семантических оттенков» [Николаева 2002: 28].

«Скрытая память» вытесняется, по Т.М. Николаевой, процессом грамматикализации. Автор приводит пример дистрибуции окончаний 3-го лица презенса (*-t* — актуальное значение презенса / \emptyset — неактуальное значение) в Северо-Западных русских говорах по А.И. Рыко (Рыко 2000: 129). Т.М. Николаева делает вывод, что *-t* «является местоименным дополнением к глагольной форме именно дейктического характера, подтверждающим ‘здесь и теперь’ совершаемого действия. В литературном русском языке и других диалектах произошло обобщение этих двух вариантов презенса и их унификация, а диалекты описанного А.И. Рыко региона это различие ‘помнят’» и далее в сноске: «...первичной формой и должна была стать форма с нулевой флексией (как аналог *casus indefinitus*), а укрепление местоимением могло быть только результатом более позднего развития содержательных синтаксических категорий» (Николаева 2002: 35). Т.М. Николаева приводит и наше мнение, высказанное нами в статье «К истокам индоевропейских и енисейских личных глагольных показателей»: «Представляется возможным предположить развитие личных аффиксов глагола как в енисейском языке, так и в индоевропейском из первичных дейктических частиц с широкой семантикой» [Поленова 2000: 162; Николаева 2002: 35]. Т.М. Николаева выражает мысль, что

частицы-партикулы являются доминантной в диахронии, «но языковая история закрепляет за каждым *Stammlaut* этих партикул более узкое значение. Это набор из 12 основных консонантов *-b-, -v-, -j-, -s-, -z-, -t-, -d-, -k-, -m-, -n-, -l-*. ...сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис (и вчерашняя семантика)» [Николаева 2002: 360. И наконец, последнее замечание Т.М. Николаевой относительно памяти языка: «...в языке реализуется проходящее сквозь время смысловое задание, которое язык ‘помнит’» [там же: 39]. Наша статья — это стремление установить, о чем «помнят» кетские глаголы.

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» КЕТСКОГО ЯЗЫКА

Кетский язык в последнее время причислен к номинативно-аккузативным языкам. Система языка включает в себя систему склонения, систему спряжения и традиционные неизменяемые части речи. Правда, предлога в кетском языке нет, но есть послелог. Однако если по Т.М. Николаевой скрытая память индоевропейских языков нивелируется процессом грамматикализации, то в енисейских языках, представителем которых является кетский язык, процесс грамматикализации не завершен.

Г.П. Мельников подчеркивал, что морфема является минимальной собственно языковой единицей, образом минимального значащего знака языка [Мельников 2000: 30]. В кетском языке понятие «морфема» часто является одновременно носителем грамматического и лексического значения.

Центром кетского предложения-сообщения является глагол. Все, кто исследовал кетский глагол, классифицировали его по-разному. Большинство исходили из личных показателей, оперируя вслед за К. Боудой, группами показателей *B* и *D* или по парам: показатель 1-го лица / показатель 3-го лица мужского класса единственного числа типа: *D-D, DI-DU, DA-DA, BA-A, BO-O*, так как кетский глагол не имеет исходной словарной формы.

Кетский глагол составлен полностью из отдельных морфем, максимальное число которых по С.С. Буторину — 14: **0** — корень/полукорень (правое составляющее базы — ПСБ); **1** — деагентивный (супрессивный) аффикс; **-1** — число агенса; **2** — число пациенса; **-2** — аффикс результата; **3** — лицо пациенса; **4** — финаль циркумфиксального аффикса времени; **5** — инициаль циркумфиксального аффикса времени; **6** — детерминатив; **7** — ролевой маркер; **8** — число фактитива; **9** — лицо фактитива; **10** — плюрализатор левого составляющего базы; **11** — левое составляющее базы — ЛСБ; **12** — плюрализатор инкорпорированного имени; **13** — инкорпорированное имя; **14** — лицо агенса [Буторин 1995: 10—11].

С.С. Буторин, автор Максимальной порядковой модели финитной глагольной словоформы кетского языка (см. выше), описал лексические порядки (0, 11, 13) на основе четырех структурных типов кетского глагола по Е.А. Крейновичу [Крейнович 1968]: тип 1 — простые глаголы с основой в конце слова, например: *dug-daptaŋ* — я-это-тащу, по С.С. Буторину $d^{l4}-u^9-g^7-d^6-a^5-p^3-\emptyset^4-taŋ^0-\emptyset^{-1}$; тип 2 — глаголы со сложной прерывной основой, образованной двумя корневыми морфемами, например: *dɫ'aptaŋ* — я-наружу-это-вытащу: $d^{l4}-l'a^{11}-a^5-p^3-\emptyset^4-taŋ^0-\emptyset^{-1}$;

тип 3 — глаголы, имеющие простую прерывную основу с корневой морфемой в начале слова и деривационной в конце, например: *taŋgirit < taŋqidit* — /он/ — по-тащит — меня. Этот глагол представлен как: /t¹⁴ - taŋ¹¹ - gi⁶ - ø⁵ - ø⁴ - ri³ - ø² - t⁰ - ø¹. Тип 4 — глаголы, имеющие простую прерывную основу с деривационной морфемой в начале слова и корневой в конце. Пример: *dus'naddon'* — он (медведь) — меня — задерет. Интерпретация С.С. Буторина: *d¹⁴ - us'n¹¹ - a⁵ - ø⁴ - d³ - ø² - don⁰ - ø¹*. «Лексический порядок 13 является порядком инкорпорированного имени. ... Механизм инкорпорирования в кетском языке служит средством перемещения имени актанта из синтаксической приоритетной позиции в неприоритетную с целью выведения его из коммуникативного 'фокуса' и введения в 'фон', что способствует продвижению имени другого актанта в 'фокус'». Примеры автора: *laundiŋa ul'* *d¹⁴ - at¹¹ - ø⁵ - p³ - ø⁴ - ak⁰ - ø¹* — в бочку воду я-это-налью; **инкорпорированный глагол**: *laundiŋa d¹⁴ - ul'¹³ - at¹¹ - ø⁵ - s'⁴ - ak⁰ - ø¹* — в бочку я-воду-налью [Буторин 1995: 6—7]. Таким образом, С.С. Буторин осуществил очередную попытку привести в «порядок» непослушную кетскую глагольную словоформу, но вынужден активно пользоваться знаком -ø- (нуль) для отсутствующих морфем.

Обратим внимание, что кетский глагол строится как путем агглютинации, так и инкорпорации. В свое время Г.П. Мельников, анализируя разносистемные языки, пришел к заключению, что инкорпорирующими являются не только общеизвестные языки, «но и абхазско-адыгейские и нахско-дагестанские, языки Кавказа, африканские языки банту, многие языки аборигенов американского континента, хотя в большей или меньшей мере все они отличаются от предельно инкорпорирующих языков» [Мельников 2000: 39]. Можно добавить к этому перечню и кетский язык с учетом его особенностей.

Э.И. Белимов считал, что кетский глагол не является частью речи. Это «морфологически осложненный элемент (корень или основа), занимающий в предложении позицию предиката. ... Глагол не имеет исходной формы; он существует в виде разнородной россыпи лично-ролевых и видо-временных вариантов» [Белимов 1991: 113; 40] ср. наше мнение о былом синкретизме частей речи в енисейских языках [Поленова 2011: 41—44].

Чтобы было понятно, о каких «лично-ролевых» вариантах идет речь, приведем таблицы этих формантов кетского глагола.

Таблица 1

Личные показатели группы В

Число	Лицо	Класс	1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд	4-й ряд
Единств. число	1.		ba-	bo-	ba-	bo-
	2.		ku-	ku-	ku-	ku-
	3.	м.	a-	o-	bu-	bu-
	3.	ж.	i-	u-	bu-	bu-
Множ. число	3.	неодуш.	i/ø-	u-	ø-	-ø-
	1.		daŋ-	daŋ-	daŋ-	daŋ-
	2.		kaŋ-	kaŋ-	kaŋ-	kaŋ-
	3.	одуш.	aŋ-	oŋ-	bu-	bu-
	3.	неодуш.	i/ø-	u-	ø-	ø-

bu iyabda — она слышит*bu iyabilda* — она слышала*bun ayabda* — они слышат*bun ayabildan* — они слышали*bimbata* — слышно, слышится*ab əgdan bek bən' bayabdan* — мои уши вечно не слышат*at bayabda* (*at* — я; *ba-* — показатель 1-го лица группы *B*, фактитив, порядок 9 по С.С. Буторину; *-γ- < q* — каузативный показатель; *-a-* — показатель активного действия; *-b-* показатель недушевленного объекта; *-da* — корень).*ab əgdan bek bən' bayabdan* (*ab* — мой; *əgda-* — ухо; *-n* — показатель мн. числа; *bek < русск. век* — всегда; *bən'* — не; *bayabda-n* — мн. число 1-го лица ед. числа, хотя должна была бы, по русской логике, быть форма «*ayabda* — они слышат»). Это пример информантки А.Я. Кусаминой, прекрасно владевшей родным языком. Представляется, что этот глагол отвечает характеристике, данной Г.П. Мельниковым для эргативной стадии в развитии языков.

Можно было бы продолжать приводить примеры, и каждый из них только показывал бы свое своеобразие и неповторимость форм. Что касается «баз» и тем более «корней», то так можно назвать неразложимый, на первый взгляд, компонент лишь условно на синхронном уровне. Практически у каждого звука, составляющего этот комплекс, есть своя семантика, представляющая теперь уже «скрытую память» об их исходной значимости как классовых показателей, послуживших слово- и формообразованию [см. Поленова 2002: 14—33]. Можно считать кетский глагол, по Г.П. Мельникову, «окказиональным словом» [Мельников 2000: 30].

В структуре кетского глагола, вслед за Е.А. Крейновичем, выделяют еще «детерминатив», пустую морфему (*k, t, q, d, n, b, h, s*), порядок 6, по С.С. Буторину. Мы в свое время рассматривали эти элементы и пришли к выводу, что они являются пережитком классного строя языка, при активном строе они выполняли функцию версии и уточняли степень удаленности от говорящего в сочетании с вокалическими дейксисами, что подтверждают кетские указательные местоимения: *ki* — ‘этот’, *tu* — ‘этот/тот’, *qa* — ‘тот’ [Поленова 2002: 122—133]. Цитируем С.С. Буторина: «По всей видимости, они являются былыми корневыми или аффиксальными морфемами, которые десемантизировались в ходе исторического процесса перестройки структуры глагольного слова» [Буторин 1995: 18].

В языке есть и такие глаголы, которые вообще не вписываются в рамки С.С. Буторина. Сравним: *ad (u, bu) tajga* ‘я (ты, он, она) гуляю’; *ad (u, bu) kaba* ‘я (ты, он, она) вырежу’; *ad (u, bu) hils'a* ‘я (ты, он, она) кусаю’; *ad (u, bu) bina* ‘я (ты, он, она) плела’, хотя в настоящем времени: *ad diba, u kuba, bu duba, bu daba* ‘я плету, ты плетешь, он плетет, она плетет’; *ad sija, u sija, bu sija* ‘я ем, ты ешь, он/она ест’; *ad, u, bu sila* ‘я, ты, он/она ел’; *ad kikta bilo* ‘я ложку облизала’; *aqta has'a* ‘хорошо режу (крою)’; ср. имена: *kayins'a* ‘немой’ (букв. ‘бессловесный’); *ugda hu:ts'a* ‘сплетница’ (букв. ‘длинный хвост’). Вторая составляющая перечисленных глаголов — это предикативная частица. Такими предикативными частицами были и показатели группы *D* 2-го ряда (см. таблицу № 2), чему тоже есть свидетельства в языке. Например: *bindi* ‘я сам’, *bin'gu* ‘ты сам’, *bin'du* ‘он сам’, *bin'da* ‘она сама’. *ket qokdu* ‘человек — один’, *qim qokda* ‘женщина — одна’. Перейдя в препозицию, рассматриваемые частицы стали формировать глаголы состояния [см. Поленова 2002: 84—87].

Д.М. Сегал очень точно охарактеризовал кетский глагол: «В глаголе же зачастую невозможно выделить корневую морфему вследствие ее ‘размывания’... С этим связана и чудовищная ‘омонимия’ глагольных основ, когда одна и та же гласная является носителем самых разных лексических значений, а также является морфологическим формантом. ...Возможно, в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом и тем местом в ‘обойме’ глагольного слова, куда данный сегмент помещается» [Сегал 1968: 31—32].

Примеры, которые приведены С.С. Буториным для демонстрации Модели порядков, можно отнести к глаголам последней стадии развития кетской грамматики, когда показатели группы *D* (2-ой ряд) в составе глагольной словоформы утвердились как субъектные показатели лица и восходят к классному показателю живого, одушевленного, ср. личное местоимение *ad-* я.

Показатели группы *B* (фактитив по С.С. Буторину) мы увязываем также с местоимением 1-го лица, ср. *ab* — ‘меня, мой’, и с категорией притяжательности, ср.: *bat* — ‘моя мать’ (*am* — ‘мать’). Последняя их ступень развития — показатели объекта переходного глагола, ср.: *bayıbdil* ‘(он) меня оденет’ *baybil’dil* ‘(он) меня одел’. Ранее мы предполагали, что первичные дейктические частицы *di-du-da* были связаны с духом, небесной энергией, с чем-то небом/богом данным, ср.: *Dog* — верховный шаман, *di* — орел, *dı²q* — жизнь. Дейктические частицы *bi-bu-ba/bo* отсылали к телу, земле, неживому, ср.: *-bi* — предикативный суффикс притяжательных местоимений, относящихся к неодушевленным именам, ср. *ab-bi* — мой, *uk-bi* — твой, *budabi* — его, *bud-bi* — ее, *ətna-bi* — наш, *əknə-bi* — ваш, *buŋna-bi* — их, *tuda qus’ abbi* — ‘этот чум мой’ (мне принадлежит); *ba²ŋ* — земля; *ba* — частица, указывающая на обычное, длительное действие, например: *bu ba dɔl’dag qas’əŋ ən’ s’ikŋ* — ‘и жил он там много лет’; *bat* — лицо; *ba:m* — старуха *ba:t* — старик; *baγ* — чурбак, пень, древесный ствол; *bin* — сам; *boŋ* — покойник; *bu* — он/она из первичной дейктической частицы. Значение местоимения 3-го лица частица *bu* получила на более позднем этапе из указательного местоимения, как и личное местоимение 3-го лица в других языках [ср. Поленова 2002: 166—168].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая изложенное, мы можем заключить, что кетский глагол хранит «скрытую память» о стадийном развитии языка.

Современный кетский язык отражает стадию перехода к флективному строю. Показатели *D* становятся грамматическими субъектными аффиксами, а показатели группы *B* — объектными. Так формируется категория переходности/непереходности (транзитивности / интранзитивности), например:

bokkuγus ‘я уведу тебя’ (vt)

kugdiγus ‘ты водишь меня’

kugbiγus ‘ты уносишь это’

bugdiγus ‘он уводит меня’

В сфере имени оформляется система склонения, утверждаются падежные показатели, не утратившие связь с послелогом и личными местоимениями 3-го лица,

в роли которых они могут употребляться как самостоятельные слова, ср.: *daŋal* 'от него', *diŋal* 'от нее', *na hip* 'их сын', *naŋa* 'им', *daŋa* 'ему' (ср. *buŋna hip* 'их сын', *bunaŋa* 'им', *budaŋa* 'ему').

Диахроническая системная типология кетского языка в сопоставлении с кетской мифологией дает возможность объяснить развитие грамматических форм кетского имени и кетского глагола как процесс движения от прозрачной семантики первичных дейктических частиц — будущих строевых элементов языка — до почти полной их грамматикализации.

К первичным дейктическим частицам восходят и субъектно-объектные аффиксы кетского глагола *di-du-da* и *bi-bi-ba/bo*, где *d-* и *b-* — классные показатели, а *-i-*, *-u-*, *-a/o-* — дейкисы.

Уникальность кетского языка состоит в том, что он хранит черты всех введенных В. фон Гумбольдтом типов языка, память о его четырех «морфологических классах».

© Поленова Г.Т.

Дата поступления: 1.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белимов С.С.* Кетский синтаксис. Ситуация Пропозиция Предложение. Новосибирск: НГУ, 1991.
2. *Буторин С.С.* Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: Автореф. канд. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГУ, 1995.
3. *Живова (Поленова) Г.Т.* Енисейско-индоевропейские типологические параллели в области вопросительных и неопределенных местоимений // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск: Изд-во ТГПИ, 1984. С. 46—65.
4. *Крейнович Е.А.* О модели кетского глагола // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. Ленинград: Наука, 1965.
5. *Крейнович Е.А.* Глагол кетского языка. Ленинград: Наука, 1968.
6. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадияльной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
7. *Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25—41.
8. *Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008.
9. *Поленова Г.Т.* К истокам индоевропейских и енисейских личных глагольных показателей // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. Москва: РГГУ, 2000. С. 159—162.
10. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: ТГПИ, 2002.
11. *Поленова Г.Т.* В поисках истоков языка. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011.
12. *Рыко А.И.* Семантическое распределение 3-го лица презенса // Балто-славянские исследования 1998—1999 XVI. Москва: Индрик, 2000. С. 129.
13. *Сегал Д.М.* Фонология кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968.

14. Филлмор Ч. Дело о падеже; Дело о падеже открывается вновь // Зарубежная лингвистика III. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1999. С. 303—351.
15. Bouda Karl. (1957) Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen // *Anthropos*. 1957. Vol. 52. No 1—2. С. 65—134.
16. Shields K. On the pronominal origin of the I—E athematic verbal suffixes // *The journal of Indo-European studies*. 1997. Vol. 25. No 1—2.

УДК: 811.511.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019

“LATENT MEMORY” OF KET VERB

Galina T. Polenova

Anton Chekhov Taganrog Institute Institute (branch)
of the Rostov State University of Economics (RINH)
Ul. Initsiativnaya, 48, Taganrog, Russia, 347936

Abstract. The article deals with relic elements in the structure of the Ket verb. The idea is held that there are no solid rules for the formation of the Ket verb, despite numerous attempts to classify types of verbs in the Ket language. The author applies the term introduced by T.M. Nikolaeva “the latent memory of the language” to the structural elements of the Ket verb. The author’s expeditionary materials are given as examples, whose analysis proves the absence of any firm patterns in the formation of the Ket verb. It is observed as agglutination in the simplest structures, as well as incorporation in complicated forms. It is concluded that the Ket verb can cast a light on the morphological stages of language development. The article can be of interest for linguists dealing with diachronic typology.

Key words: “latent memory”, Ket verb, personal indicators, deictic particle, class indicator, determinative

REFERENCES

1. Belimov, S.S. (1991). The Ket syntax. Situation Proposition Sentence. Novosibirsk: NGU. (In Russ.).
2. Butorin, S.S. (1995). Description of the morphological structure of the finite verbal word form of the Ket language using the method of ordinal division. Thesis of PhD. Novosibirsk: NGU. (In Russ.).
3. Zhivova (Polenova), G.T. (1984). Yenisei-Indo-European typological parallels in the field of interrogative and indefinite pronouns. In: *The structure of Paleo-Asiatic and Samoyedic languages*. Tomsk: TGPI. 46—65. (In Russ.).
4. Krejnovich, E.A. (1965). The verb of the Ket language. In: *Morphological Typology and Problems of Classification of Languages*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
5. Krejnovich, E.A. (1968). The verb of the Ket language. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Melnikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with a stadial one. Moscow: RUDN (In Russ.).
7. Nikolaeva, T.M. (2002). The “hidden memory” of the language: An attempt to formulate a problem. *Voprosy Yazykoznanija*, 4. pp. 25—41. (In Russ.).
8. Nikolaeva, T.M. (2008). Non-paradigmatic linguistics (History of “wandering particles”). Moscow: Yazyki slavianskikh kultur. (In Russ.).
9. Polenova, G.T. (2000). To the origins of Indo-European and Yenisei personal verbal indicators. In: *Problems of studying the distant relationship of languages at the turn of the third millennium*. Moscow: RGGU, 159—162. (In Russ.).

10. Polenova, G.T. (2002). The origin of the grammatical categories of the verb. (On the material of the Yenisei languages). Taganrog: TGPI. (In Russ.).
11. Polenova, G.T. (2011). In search of the origins of the language. Taganrog: TGPI A.P. Chekov. (In Russ.).
12. Ryko, A.I. (2000). Semantic distribution of the third person of present tense. In: *Balto-Slavic studies 1998—1999 XVI*. Moscow: Indrik. 129 (In Russ.).
13. Segal, D.M. (1968). Phonology of the Ket language. In: *Ket collection. Linguistics*. Moscow: Nauka. pp. 31—32. (In Russ.).
14. Fillmore, C. (1999). Case on the case; The case of the case is reopened. In: *Foreign Linguistic III. New in foreign linguistics*. Moscow: Progress. pp. 303—351. (In Russ.).
15. Bouda, Karl. (1957). Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. *Anthropos*, vol. 52, no 1—2. pp. 65—134.
16. Shields, K. (1997). On the pronominal origin of the I—E athematic verbal suffixes, *The journal of Indo-European studies*. Vol. 25. No 1—2.

Для цитирования:

Поленова Г.Т. «Скрытая память» кетского глагола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

For citation:

Polenova G.T. (2017) “Latent memory” of ket verb. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

Galina T. Polenova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

Сведения об авторе:

Поленова Галина Тихоновна, доктор филологический наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка ТГПИ им. А.П. Чехова; научные интересы: теория языка, германское языкознание, енесеистика, общее языкознание; e-mail: polenova@mail.ru

Bio Note:

Polenova Galina Tikhonovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of the Department German language of Anton Chekhov Taganrog Institute Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINH); *Scientific Interests*: Theory of language, linguistics gourmet, Eniseyskiy, General linguistics; e-mail: polenova@mail.ru